

ДЖЕЙМС КОРИ

ГРЕХИ ОТЦОВ НАШИХ

НОВИНКА

**БОГИ РИСКА
МАСЛОБОЙКА
ПАЛАЧ СТАНЦИИ АНДЕРСОН
ДВИГАТЕЛЬ
ЧУЖИЕ СОБАКИ
ОБЕРОН
ПРОПАСТЬ ВЫЖИВАНИЯ**

**JAMES S. A. COREY
THE SINS OF OUR FATHERS**

Аннотация

Когда мы видим что-то необыкновенное, то говорим, что это фантастика! Рассказы Джеймса Кори, вошедшие в сборник «Грехи отцов наших» фантастичны вдвойне. Во-первых, они являются частью знаменитой научно-фантастической серии «Пространство» (The Expanse), первая книга которой – «Пробуждение Левиафана» была номинирована на премию «Хьюго» за лучший роман. А во-вторых, они объединяют в себе классическую научную фантастику, сатиру и фэнтези поражая богатым разнообразием тем и образным языком, всем тем, что так ценят в произведениях Кори, поклонники его творчества.

В сборник вошли рассказы:

- *Боги риска*
- *Маслобойка*
- *Палач станции Андерсон*
- *Двигатель*
- *Чужие собаки*
- *Оберон*
- *Пропасть выживания*
- *Грехи отцов наших*

Джеймс Кори
ГРЕХИ ОТЦОВ НАШИХ

и другие рассказы

JAMES S. A. COREY

«THE SINS OF OUR FATHERS», 2022

(перевод с английского Галины Соловьёвой)

Содержание

[Аннотация](#)

[БОГИ РИСКА](#)

[МАСЛОБОЙКА](#)

[ПАЛАЧ СТАНЦИИ АНДЕРСОН](#)

[ДВИГАТЕЛЬ](#)

[ЧУЖИЕ СОБАКИ](#)

[ОБЕРОН](#)

[ПРОПАСТЬ ВЫЖИВАНИЯ](#)

[ГРЕХИ ОТЦОВ НАШИХ](#)

[ГРЕХИ ОТЦОВ НАШИХ: примечание авторов](#)

БОГИ РИСКА

– Какого рода проблемы? – спросил Хатч. У него, уроженца поселения близ долины Маринера, почему-то не было вольного тягучего выговора этих краев Марса. Голос Хатча шуршал, как плохо настроенная рация.

– Да не такие уж, – поспешно вступилась за него Лили. – Правда же, Дэвид, ничего такого? Даже и не проблемы, в общем то. Просто неудобство.

– Неудобство, – эхом повторил Дэвид.

Повисла неуютная пауза. Дэвид теребил пальцы, вытягивал по одному, пока не хрустнут суставы, потом переходил к следующему. Он был на полголовы выше Хатча, но не мог поднять взгляд выше груди худощавого мужчины. Дэвиду через два месяца должно было исполниться шестнадцать, а чувствовал он себя не старше шести. Хатч всегда устраивал встречи в маленьких комнатах, подальше от главных тоннелей и коридоров. Вот эта с первого поколения поселенцев служила чуланом. Стены из гладкого марсианского камня когда-то покрыли изолирующей керамикой, сейчас она уже вспузырилась и посерела от времени. Освещением служил фонарь, как на стройке, – пылающую белизну светодиодной лампочки смягчал и румянил наброшенный на него шелковый, раскрашенный под кашемир платок Лили. Сидели на остывших в холодном воздухе металлических ящиках. Хатч почесал шрам на запястье.

– Не держи в себе, Крошка, – сказал Хатч. Это была их старая шутка – семья Дэвида до Марса была полинезийской, и генетика в сочетании с третьей земной гравитации подарили ему два метра роста и некоторую пухлость. – Выкладывай. Что, пропала партия?

– Нет, что ты. С партией все нормально. Просто к нам приехала пожить моя тетя Бобби. Она теперь все время там. Все время. Приду домой – а там она.

Хатч нахмурился, склонил голову набок. Лили обняла его, прижалась потеснее. Хатч повел плечом, но отстранять ее не стал.

– Она знает, что ты стряпаешь?

– Ничего она не знает, – ответил Дэвид. – Просто целыми днями тягает гантели и смотрит видео.

– Тягает гантели? – переспросил Хатч.

Тень улыбки в его голосе сразу помогла Дэвиду расслабиться. Он решился заглянуть в глаза цвета крепкого чая.

– Она служила в десанте.

– Служила?

– Там что-то такое случилось. Вроде как она ушла в отставку.

– Значит, уже не десантница. А теперь что она такое?

– Просто охрененная неприятность, – сказал Дэвид, не без удовольствия позволяя себе грязное словечко. В доме Драперов допускались, самое большее, «черт» и «проклятый». За «охрененную» ему бы устроили жуткий скандал. А о других выражениях он и подумать не смел. – С этой партией все нормально. Но со следующей будет труднее. Мне теперь дома готовить невозможно.

Хатч, откинувшись назад, наполнил комнатушку смехом. Лили расслабилась, и морщинки беспокойства на ее гладкой, как яичная скорлупа, коже пропали.

– Ну, ты даешь, – выговорил Хатч. – Я уж думал, правда проблемы. Думал, придется сказать людям, что лишился лучшего повара.

Дэвид подобрал свой рюкзак, порылся в нем, вытащил побрякивающий пластиковый флакон. Хатч, содрав крышку, высыпал себе на ладонь четыре или пять розовых таблеточек и одну передал Лили. Та забросила таблетку в рот, как карамельку. 2,5-диметокси-4-N-пропилтиофениламин представлял собой антагонист серотониновых рецепторов, разлагавшийся в числе прочего на окислитель моноамина, 2,5-десметокисин. Ингибитор. В ближайшие полчаса эйфория будет разгибать суставы Лили и поднимать ей настроение. Галлюцинации придут только через час, а может, и полтора, зато их хватит на всю ночь. Она постучала таблеткой по зубам, погоняла ее языком, ухмыльнулась Дэвиду. Тот, почувствовав приближение эрекции, отвел взгляд.

– Ты хорошо поработал, Крошка, – сказал Хатч, доставая ручной терминал. Тихий гудок сообщил о переводе. На секретный счет Дэвида поступило еще немного денег – хотя он этим не ради денег занимался. – А теперь насчет тетушки. Как она повлияет на твое расписание?

– Ну, учебной лабораторией я по-прежнему могу пользоваться, –

объяснил Дэвид. – Могу записаться на больше часов. Старшим первая очередь, так что слишком сложно не будет. Просто...

– Э, нет, – перебил Хатч, – лучше не рисковать. Говори-ка, сколько тебе потребуется времени на следующую партию; в смысле как уложишься?

– Думаю, самое малое – две недели, – сказал Дэвид.

– Они твои, – махнул отмеченной шрамом рукой Хатч. – Нам с тобой еще работать и работать. Не стоит жадничать.

– Ага.

Худой мужчина поднялся. Дэвид никак не мог решить, сколько Хатчу лет. Старше него и Лили, моложе родителей Дэвида. В этот просвет укладывались бесконечные варианты. Хатч накинул свой пыльно-красный плащ и достал из кармана коричневый вязаный колпачок, встряхнул, как хлыстом щелкнул, и натянул на белесые волосы. Лили встала одновременно с ним, но Хатч, взяв девушку за голое плечо, развернул ее к Дэvidу.

– Ты не проводишь мою девочку в мир живых, Крошка? У меня еще дела.

– Ладно, – согласился Дэвид.

Лили стянула с лампы свой платок, и грязная комнатуха ярко осветилась. Хатч насмешливо отсалютовал тремя пальцами, разгерметизировал дверь и вышел. По правилам Хатч покидал место встречи первым, а через десять минут мог уйти и Дэвид. Он точно не знал, куда уходит Хатч, и, пока Лили была здесь, с ним, не хотел знать. Она прислонилась к нему, от нее пахло вербеной и девушкой. Она была годом старше, а он мог пристроить подбородок ей на макушку.

– У тебя все хорошо? – спросил он.

– Да, – глуховато и мягко ответила она. – Начинает пробираться.

– Вот и хорошо. – Он прижал ее к себе чуть покрепче. Она опустила голову ему на грудь, и оба молча провели эти драгоценные десять минут.

Семь общин – их называли районами, – разбросанные по северной оконечности залива Авроры, составляли Лондрес-Нова. Город, если это можно так назвать, глубоко зарылся в тело Марса, используя грунт как изоляцию и антилучевое покрытие, а на поверхность пробивались только десять куполов. Здесь жили и работали сорок тысяч человек,

высекающих себе пространство в неподатливом камне новой родины – Марса. Станции «трубы» образовали простую сеть, которая определяла форму и структуру общества. Единственной станцией, связанной со всеми районами напрямую, был Атерпол, он де-факто и стал центром города. Солтон располагался под крупнейшим агрикультурным куполом, и от него по поверхности шел монорельс к обсерватории Дханбад-Нова, поэтому в нем концентрировались отделения верхнего университета и технические лаборатории. Нижний университет устроился в Брич-Кэнди, где жила семья Дэвида. Нариман и Мартинестаун с первой волны колонизации стали промышленными и энергетическими районами, а когда их потеснили новые технологии, вступили в борьбу за перестройку и новое предназначение. Иннис-Дип и Иннис-Шэллоус располагали всего одной линией «трубы» на каждый район, что превращало их в тупики и рай для тех марсиан, которые почти уподобились астерам – асоциальным, независимым и нетерпимым. Адрес в любом из Иннисов был меткой маргинала – опасного или беззащитного. Лили жила в Шэллоус, а Хатч – в Дип.

При всех различиях между районами станции «трубы» всюду были одинаковы: высокие сводчатые потолки, свет полного спектра и какофония гулких отголосков: в воздухе смешивались объявления и блеющая музыка настенных пленочных видеомониторов, накатывающая волнами реклама ларьков, торгующих едой и одеждой. Сверху за всем присматривали камеры слежения; программы распознавания выхватывали из толпы лица и помечали их именами. Воздух, кажется, всегда пах озоном, дешевой едой и мочой. Афиши из полимерной пленки все были на один манер, что бы ни возвещали: занятия йогой, просьбы вернуть потерявшихся животных или самодеятельные концерты. Дэвид бывал в городах долины Маринера и под горой Олимп – станции «трубы» там такие же. Единственная объединяющая черта марсианской культуры.

Дэвид провел Лили сквозь толкотню на станции Мартинестаун. Он пристроил сумку на плече так, чтобы не мешала девушке взять его под руку. Ее походка с каждым шагом становилась все более шаткой. Лили обвилась вокруг него, как плющ на колонне, так что он ощущал напряжение ее мышц, различал его и в голосе, когда она заговаривала. Врачки у нее сузились от наслаждения и каскада химических

процессов в мозгу. Он гадал, что ей видится.

– Ты сам никогда не пробовал? – спросила она, забыв, что делает это уже в третий раз.

– Нет, – снова ответил Дэвид. – У меня старший год. Ни одного вечера свободного. Может, позже, когда получу распределение.

– Какой ты умный, – сказала она. – Хатч всегда говорит, какой ты умник.

Впереди, ближе к краю платформы, что-то скандировала и вздымала плакаты толпа человек в пятьдесят. Дюжина полицейских в форме стояли поодаль, не вмешиваясь, но пристально наблюдая. Дэвид пригнул голову и обошел митинг стороной. Может, если пройти к туалетам, найдется такой выход на платформу, чтобы не проводить спотыкающуюся девушку мимо полиции. Не то чтобы полиция особенно занималась потоком пассажиров. Все их внимание сосредоточилось на протестующих. Плакатики были написаны от руки или склеены из распечаток на стандартных листах. Один или двое принесли пленочные мониторы, на которых по кругу прокручивались надписи в психоделической радуге цветов: «ДАДИМ СДАЧИ!», и «ЧЕГО ЖДЕМ, ЧТОБЫ И НАС УБИЛИ?», и «ЗЕМЛЯ НАЧАЛА, НАМ ЗАКАНЧИВАТЬ». Последний лозунг сопровождался неумело сделанной анимацией: падающая на Землю глыба и огромный метеоритный кратер с расплавленной лавой, похожий на кровавую рану в теле планеты.

Среди протестующих были разные люди, но большинство немногим старше Дэвида и Лили. Потемневшие от прилива крови лица, разинутые рты – они, как жаром, лучились яростью. Дэвид замедлил шаг, пытаясь сквозь отголоски эха разобрать, что они выкрикивают, но определил только, что фраза была из семи слогов: четыре в зачине, три в ответе. Один из полицейских повернулся к Дэвиду, и тот снова ускорил шаг. Это не его борьба. Ему нет до них дела.

К тому времени, как они вышли на платформу, Лили притихла. Дэвид подвел ее к литой пластиковой лавочке, рассчитанной на троих, но для них двоих в самый раз. Пластик захрустел и скрипнул под его весом, и Лили вздрогнула от этих звуков. Между бровями у нее пролегли горькие морщинки. Табло обещало «трубу» до Иннис-

Шэллоус через шесть минут, четкими арабскими цифрами отсчитывало секунды. Лили заговорила – сдавленным голосом, только Дэвид не знал: от огорчения, или это был побочный эффект наркотика.

– Какие все злые, – сказала она. – Вот бы люди не были такие злые.

– У них есть причины злиться.

Ее взгляд поплыл, не сразу нашел собеседника.

– У всех причины, – сказала она. – У меня причины. У тебя причины. Но мы же не такие. И не хотим такими быть, да? Ты же не злой, Дэвид?

Вопрос прозвучал едва ли не мольбой, и он рад был бы ответить, что нет, он не такой. Он бы что угодно сказал, лишь бы разглядеть ее безупречный лоб, а потом отвести ее домой, в ее комнату в жилом комплексе, и целовать, и снимать с нее одежду. Лишь бы увидеть ее нагой, и услышать ее смех, и заснуть без сил в ее объятиях. Он кашлянул, поерзал на лавке.

– Ты ведь не злишься? – спросила она.

Прозвучало негромкое трезвучие сигнала.

– «Труба» на подходе, – выдавив улыбку, сказал он. – Все будет хорошо, ты только расслабься.

Она кивнула и сделала движение, чтобы от него отодвинуться.

– Все красные. Ты тоже красный. Как большая-пребольшая вишня. Ты такой умный, – бормотала она. – Так ты сам никогда не пробовал?

В вагоне «трубы» лучше не стало. Эта линия шла на Атерпол, пассажиры здесь были лет на десять старше него. Демографическое давление настроило вагонный монитор на новости. В какой-то обдуманно выбранной студии худой седовласый мужчина перекрикивал смуглую женщину.

– А мне все равно! – кричал он. – Пусть они превратили в оружие объект из какой-то дальней, внесолярной экосистемы – меня это не касается. Мне нет дела до Фебы. И до Венеры дела нет. Меня волнует, зачем они это сделали. Факт тот – и никто его не оспаривает, – факт тот, что Земля это оружие закупила и...

– Вы непозволительно упрощаете. Есть сведения о нескольких заказах, в том числе...

– Земля купила это оружие и обстреливает нас. Вас, меня, наших детей и внуков.

Двери бесшумно закрылись, вагон начал ускоряться. Вагоны «трубы» двигались в вакууме, на подушке магнитного поля, как снаряд гауссовой пушки. Но разгон брали плавно. Через двадцать минут они будут в Атерполе. Или раньше. Лили закрыла глаза, запрокинула голову к стенке вагона. Губы у нее сжались в тонкую линию, и она все крепче цеплялась за руку Дэвида. Наверное, не надо было позволять ей принимать таблетку, пока она не окажется в более тихом и надежном месте.

– Земля предоставила им данные для наведения по целям, – сказала женщина на экране, направив указующую длань в седого мужчину. – Да, преступные элементы в их военных силах, но нельзя пренебрегать ролью официальной, санкционированной...

– Официальной, санкционированной ролью армии? Вас послушать, на Земле идет гражданская война. Я такого не замечаю. Ничего подобного. Я вижу, что самому существованию Марса постоянно угрожают, а правительство пальцем не шевельнет.

– Расскажи мне что-нибудь, – попросила Лили. – Или спой. Что-нибудь.

– У меня на терминале есть музыка. Хочешь?

– Нет. Ты, своим голосом.

Дэвид поставил сумку под ноги и повернулся к девушке, приблизил губы к самому уху. Ему пришлось немного пригнуться. Он облизнул губы, пытаясь что-нибудь припомнить. В голове было пусто, и он ухватился за первое, что пришло на ум. Почти касаясь губами ее ушной раковины, запел тихо, чтобы никто другой не услышал: «Добрый король Венцеслав на пиру у Стефана глянул в окно...»

Глаз Лили не открыла, но заулыбалась. Вот и хорошо. Десять минут Дэвид напевал ей на ухо рождественские гимны. Если забывал строчку-другую, сам подбирал слова. Наугад, лишь бы кое-как укладывались в размер и мотив.

Удара громче этого Дэвид в жизни не слышал. Именно что не звук, а удар. Вагон дернулся вперед, задел стену «трубы», потянул за собой Дэвида, потом отбросил назад. Свет мигнул, погас и загорелся другим цветом. Они встали между станциями. Перезагружавшиеся мониторы залило розовато-серой мутью, а когда экраны ожили, на них мерцали трилистники тревоги.

– Это на самом деле? – спросила Лили. Ее расширенные зрачки стиснули радужку до тонкой каемки. – Дэвид, это взаправду?

– Да, но ничего страшного, – сказал он. – Я здесь. Все хорошо.

Дэвид проверил ручной терминал: может, в новостях скажут, что происходит: энергетическая авария, бунт, вражеская атака, – но сеть вырубилась. С публичных мониторов зазвучал голос, почти сверхъестественно спокойный: «Система общественного транспорта столкнулась с аномалией давления и для безопасности пассажиров закрыта. Сохраняйте спокойствие, скоро придут ремонтные бригады».

Важно было не столько сообщение, сколько тон этого голоса. Лили села чуть свободнее. И захихикала.

– Ну мы и в жопе, – проговорила она и ухмыльнулась Дэвиду в лицо. – В жопе, в жопе, в жопе!

– Да уж, – протянул Дэвид. Мысли его мчались вскачь. Домой он опоздает. Отец захочет узнать причину, а когда обнаружится, что он был в Мартинестауне, начнет задавать вопросы. Что там делал, с кем встречался, почему никому не сказал? Взрослые пассажиры со всех сторон ворчали, вздыхали, усаживались поудобнее в ожидании спасателей. Дэвид встал и снова сел. Лили с каждой минутой как будто расслаблялась, освобождалась от зажима в спине. Он поймал свое отражение в двери «трубы» – оно взглянуло на Дэвида воровато и испуганно.

Через полчаса со скрипом и хлопком отодвинулся запасной люк в конце вагона. В него вошли мужчина и женщина в одинаковой форме безопасности.

– Привет, люди, – заговорил мужчина. – Все целы? Просим прощения, какой-то придурок взломал герметизацию. Вся система встала часов на шесть минимум. А кое-где и дольше. Мы подогнали рабочие дрезины, они развезут вас по автобусам. Постройтесь по одному, и мы доставим вас к месту назначения.

Лили, когда Дэвид затащил ее в очередь, что-то мычала себе под нос. Он не мог довезти ее до Иннис-Шэллоус и вернуться домой. Пока «труба» не работает – никак. Дэвид прикусил губу. Они продвигались по одному, пассажир за пассажиром скрывались в аварийном выходе, выбираясь во временный шлюз. Он ждал своей очереди целую

вечность.

– Вам с ней куда? – спросил мужчина, сверяясь со своим терминалом. У него работал, у Дэвида по-прежнему нет. Мужчина поднял озабоченный взгляд. – Германо*, вы куда направлялись?

*) Брат, братец.

– В Иннис-Шэллоус, – ответил Дэвид и поправился: – Ей в Иннис-Шэллоус. Я хотел ее проводить, она плохо себя чувствует. А мне самому в Брич-Кэнди. Я опаздываю на лабораторную.

Лили окаменела.

– Иннис-Шэллоус и Брич-Кэнди. Проходите.

Временный шлюз соорудили из гладкого черного майлара, внутри Дэвид почувствовал себя как в воздушном шарике. Давление подобрали не слишком точно, так что, когда открылась наружная перепонка, у Дэвида щелкнуло в ушах. Проход был широким и низким, оранжевые аварийные лампочки наполнили его тенями и высосали все цвета. Здесь было по меньшей мере на десять градусов холоднее – хватило, чтобы кожа пошла мурашками. Лили больше не держалась за его локоть. Она шла, вздернув брови и поджав губы.

– Все будет хорошо, – сказал он, подходя к электрическим тележкам. – Они довезут тебя до дому.

– Да, нормально, – отозвалась она.

– Ты извини. Мне надо домой. Папа...

Она повернулась к нему. В тусклом освещении расширенные зрачки смотрелись естественно. Ее трезвый ответ заставил его задуматься, сколько в ее недавнем опьянении было настоящего, а сколько наигрыша.

– Ты не волнуйся, – сказала она. – Мне не впервой спотыкаться на людях. Я о себе позабочусь. Просто думала, ты зайдешь поиграть. Ошиблась. Обломалась, и не будем об этом.

– Извини. В следующий раз.

– Звони. – Она пожалала плечами. – В следующий раз.

Водитель кара на Иннис-Шэллоус выкликнул пассажиров, и Лили забралась к нему, втиснувшись между пожилым мужчиной и какой-то бабушкой. Она коротко махнула Дэвиду. Пожилой мужчина бросил взгляд на Дэвида, снова на Лили, присмотрелся к ее фигуре. Тележка

дернулась, взвизгнула и снова дернулась. Дэвид посмотрел, как она отъезжает. Из-за стыда, раскаяния и желания он почувствовал себя больным. Кто-то тронул его за локоть.

– В Брич-Кэнди?

– Да.

– Тогда тебе сюда. Черт, какой ты большой! Ну, ничего, найдем место.

К этому дню прошло почти ровно два года, как Дэвид познакомился с Хатчем в нижнем университете. Дэвид сидел в общем зале на широких, покрытых ковром скамьях с мягкими, органическими изгибами, радушно принимавших обедающих студентов. Дэвид к тринадцати годам уже два года специализировался на биохимии. Его последняя лабораторная касалась транспортной системы тРНК, а сейчас он читал литературу по работе углеродного комплекса, по плану на следующее полугодие, и тут один из старших – смуглокожий паренек по имени Альвази, – подсев к нему, сказал, что Дэвиду надо бы познакомиться с одним человеком.

Хатч тогда представлялся обычным научным сотрудником, хотя уже в те времена в нем что-то такое чувствовалось. Дэвид несколько месяцев считал этого человека независимым репетитором – из тех, кого нанимают для отстающих. Дэвиду еще оставалось семь лабораторных практик до распределения, так что он не уделял мыслям о Хатче много времени. Тот стал всего лишь одним из лиц в круговерти нижнего университета, одним из тысячи незначительных персонажей. Или хотя бы из сотен.

Задним числом Дэвид понимал, как Хатч его испытывал. Началось с невинных мелких просьб – передать соседке по столу, что Хатч ее искал, добыть ему несколько граммов разрешенного реактива, поддержать у себя его коробочку. Дэвиду нетрудно было все это исполнить, он и исполнял. Хатч каждый раз хвалил его или расплачивался мелкими услугами. Дэвид стал замечать, с какими людьми Хатч водил знакомство: с хорошенькими девушками, с крутыми на вид парнями. Несколько преподавателей нижнего звена знали Хатча в лицо и держались с ним пусть не слишком дружелюбно, но уважительно. Дэвид не сумел бы точно сказать, когда он из простого знакомого Хатча превратился в его «повара». Он пересек

черту так гладко, что ни разу не тряхнуло.

По правде сказать, он бы работал по заданиям Хатча и бесплатно. Открыто тратить деньги он не мог, родители стали бы задавать вопросы, – поэтому спускал по мелочам: купить маленький подарок для Лили, заплатить за всю компанию за столом или порадовать себя покупкой, какую сумел бы объяснить. Большею частью деньги оставались лежать на счету, и понемногу их прибывало. Деньги для него были ценны не сами по себе, а в качестве тайны, его собственной.

После распределения, переселившись в студенческое общежитие в Солтоне, Дэвид получил бы больше свободы. На деньги Хатча обзавелся бы самой лучшей игровой панелью, приделся. И водил бы Лили по шикарным ресторанам, никому не объясняя, где был и с кем. Вкалывать придется как следует, особенно если попадет в медицину или на разработки. Он слышал рассказы о первогодках, которым в командах разработчиков приходилось отбивать пятидесятишестичасовые смены без сна. После такого выделить еще шесть часов на Хатча будет непросто, но об этом он подумает, когда дойдет дело. Пока у него имелись более насущные проблемы.

Автобусы оказались старыми визгучими электрокарами, многие отстали от жизни на два поколения. Под Дэвидом щелкала какая-то тяга, пенорезиновые колеса словно липли к дороге. Дэвид ссутулился в кресле, по возможности прижимая к себе локти. Все пассажиры вокруг скучали и ерзали. Система так и не подключилась, ручной терминал мог порадовать только тем, что хранилось в локальной памяти. Дэвид проверял его каждые несколько секунд – просто от нечего делать. Мимо медленно проплывали широкие тоннели, трубы и кабели напоминали кровеносную систему зверя. Казалось, коридор никогда не кончится, а ведь расстояние от Мартинестауна до Брич-Кэнди составляло не больше сорока километров.

Ему сегодня полагалось быть в лабораториях нижнего университета. Оттуда, даже если весь общественный транспорт отменили, до дома было полчаса пешком. Дэвид прикинул, что можно будет сказать, будто увлекся и дольше обычного не мог закончить работу. Только вот тем же предлогом он объяснял лишние часы работы для Хатча. Мать, как у нее водилось – укоряя без слов, – уже задумывалась, не отвлекается ли он от дела. Узнай родители, что он

покидал район, получится уже плохо. А если узнают зачем – вообще конец света. Дэвид хрустел суставами пальцев и усилием воли торопил автобус.

Нетрудно было бы вообразить, будто Лондрес-Нова существует только вдоль линии труб, но в действительности поколения колонистов и предтерраформаторов создали под безвоздушными промерзшими пустынями Марса целую сеть тоннелей. Многие ветви первых тоннелей забросили: отгородили герметичными переборками и оставили выпускать атмосферу и тепло в плоть планеты. Доставочные тоннели подсоединили к линиям профилактики электросети. Дорогу можно было срезать, и водитель автобуса знал короткие пути. Как раз когда Дэвид готов был расплакаться или заорать от злого нетерпения, показался край парка Левантин и северная окраина Брич-Кэнди. Автобус шел быстрее пешехода, но от одного понимания, где он находится, от возможности мысленно проложить маршрут до дома нетерпение чуточку отступило. А страх, пожалуй, усилился.

«Я ничего плохого не сделал, – твердил он себе. – Был в лаборатории. Объявили тревогу, и сеть легла. Мне надо было закончить опыт, а времени ушло больше обычного, потому что все суетились, выясняя, что случилось. Только и всего. И больше ничего».

Пятая остановка автобуса была самой ближней к их семейной норе. Дэвид вывалился в коридоры своего квартала, понунив голову и сдвинув плечи, словно защищал что-то, прижатое к груди.

Семья жила в разделенном на восемь комнат отростке тоннеля, пробитого в камне и отделанного текстурированной органикой. Бамбуковый пол сочного бежевого оттенка сходил с коричневыми, как шляпка гриба, стенами. Рассеянный свет подражал солнечному вечеру на земле. Дэвид считал, что домашнее освещение именно таким и должно быть. В общей комнате бормотали новости – значит, какую-то часть системы безопасники уже подключили. Дэвид закрыл за собой дверь и прокрался через кухню, прижав сжатые кулаки к бедрам и часто, неглубоко дыша.

Тетя Бобби сидела в своем логове одна. В другой семье она была бы великаншей, а на кривой роста Драперов укладывалась в середину, зато была спортивной и сильной. Носила она простую свободную

одежду – не то тренировочные костюмы, не то пижамы. Они почти скрывали изгибы ее фигуры. Повернувшись к Дэвиду от экрана, она встретила его взгляд и убрала звук. Репортер серьезно говорил что-то в камеру. За его спиной мех-подъемник тащил ферробетонную плиту.

– Где папа? – спросил Дэвид.

– Они с твоей мамой застряли в Солтоне, – ответила Бобби. – Прорыв как раз на той линии. Безопасники обещают все запустить примерно за десять часов, но твой отец сообщил, что они, скорее всего, снимут комнату, а домой вернутся утром.

Дэвид заморгал. Никто не собирался устраивать ему выволочку. Где же чувство облегчения? Он повел плечами, чтобы сбросить с них тяжесть, но та никуда не делась. Хотя и нелепо злиться на родителей за то, что не придется с ними ссориться.

– Известно, что случилось? – спросил он, проходя в комнату.

– Диверсия, – ответила тетя Бобби. – Кто-то пробил стенку между «трубой» и техническим тоннелем, в нее засосало несколько тысяч кубов воздуха. И вакуумную герметизацию вывели из строя, вот вся система «трубы» и лопнула, как воздушный шарик.

– Земля?

Тетя Бобби покачала головой.

– Земляне так не мелочатся, – сказала она. – Это местные что-то затевают.

– Зачем бы местным портить свое добро, если они злы на Землю?

– Затем, что до Земли слишком далеко.

Дэвид не услышал в ее словах ответа на свой вопрос, но только пожал плечами.

Тетя Бобби смотрела и на экран, и мимо экрана. Видела что-то другое. Дэвид знал, что война застала ее на Ганимеде и там случилось нечто такое, что она ушла из армии и поселилась с ними. Он считал, что она не вправе тащить свои проблемы к ним в дом.

Бобби вздохнула и выдавила улыбку:

– Как у тебя с лабораторными?

– Порядок.

– Над чем работаешь?

– Просто опыты, – сказал он, глядя в сторону.

– Твой папа говорит, у тебя скоро распределение. Узнаешь, чем

будешь заниматься в ближайшие восемь лет.

– Наверное.

Тетя Бобби улыбнулась.

– Помню, когда я начинала подготовку, в системе уведомлений случился срыв, и мне шесть дней не могли найти место распределения. Я каменную стену прогрызла, пока добилась. А ты как? Чего больше: волнения, страсти или злости?

– Не знаю.

– Папа тобой по-настоящему гордится, – сказала тетя Бобби. – Что бы ни случилось, он всегда будет гордиться тобой.

Дэвид почувствовал, как горячая волна заливает шею и щеки. На секунду подумалось, что от стыда, но почти сразу он распознал в себе ярость. И, сцепив зубы, уставился в монитор, лишь бы не глядеть на тетю Бобби. Мех двигался к рваной дыре метра два высотой и полметра шириной, управляющий им человек говорил с репортером, а стальной коготь машины нацелился на трещину, непредсказуемо расползавшуюся по стене от пробоины. У Дэвида заныли зубы, он заставил себя разжать челюсти. Тетя Бобби снова повернулась к экрану. Он не мог прочесть ее мыслей по лицу, но чувствовал, что чем-то выдал себя.

– На ужин у нас что-нибудь есть?

– Я ничего не готовила, – сказала она. – Но могу.

– Да ладно. Ухвачу тарелку риса. У меня еще работа. По практике.

– Хорошо.

Комната Дэвида была последней. Пробитая в расчете на человека среднего роста, его она прижимала к земле. При стандартной кровати между ногами и стеной оставался бы полуметровый просвет: кровать Дэвида еле влезла. Игровая панель – единственное, на что он потратил деньги Хатча, – стояла на краю стола. На стене застыл кадр из «Богов риска»: Каз Пратъяри готовился к поединку с Микки Саанамом, оба выглядели сильными, опасными и несколько меланхоличными. Когда защелкнулся дверной замок, Дэвид переключил стену на любимый портрет Уны Мейнг и рухнул на кровать. Из общей комнаты доносилось бормотание новостей и сквозь него, на грани слышимости, медленное, ритмичное покряхтывание тети Бобби. Скорее всего, она работала с эспандером. Ему хотелось вовсе избавиться от звуков.

Чтобы дом принадлежал ему одному. Дэвид подумал, все ли в порядке с Лили. Благополучно ли она добралась. Сердится ли на него. Или разочарована?

Загудел его ручной терминал. Сообщение от нижнего университета. Вследствие террористической атаки на линии «трубы» завтра лаборатории будут закрыты. Учащиеся, чью работу нельзя отложить на сутки, должны обратиться к куратору сектора, который либо даст им спецпропуск, либо сделает за них часть работы. Дэвид мысленно пробежался по списку. У него ничто не требовало его присутствия, а если он немного отстанет, так ведь отстанут все. Он не хранил в лаборатории реактивов от Хатча, так что, если служба безопасности устроит проверку, тоже ничего страшного. Значит, завтра у него выходной.

В голове прозвучал голос Лили: «Почему бы тебе самому не попробовать?» Вот сейчас где-то в Иннис-Шэллоус химические процессы в мозгу Лили текут по длинному ряду каскадов, от одного неравновесного положения к другому. Зрительная кора запускает странные волны, гиппокамп плывет. Дэвид перевернулся на бок, сунул руку в просвет между рамой кровати и стеной и вытянул маленький фланелевый мешочек. Розовые таблеточки почти потерялись в его широкой ладони. На вкус они были как клубничный ароматизатор с декстрозой.

Дэвид сцепил пальцы на затылке, посмотрел на глядящую со стены женщину и стал ждать, ждать, ждать, когда наступит блаженство.

Нижний университет был одним из старейших комплексов Лондрес-Новы; автоматические строймехи сделали первую отметку, когда на планете жило всего несколько тысяч человек. Сеть коридоров была простой, прямоугольной и жесткой. В общих помещениях – все предпочитали говорить «на улице» – чувствовались попытки смягчить и очеловечить пространство, но внутри оставались низкие потолки и прямые углы. К тому же первые проектировщики колонии и не думали прятать инфраструктуру. В и без того узких коридорах часть места по углам занимали трубы и электропроводка. Полы были покрыты металлическими решетками, и, чтобы пройти в дверь, Дэвиду приходилось пригибать голову. Сотни вытяжек, уводящих испарения

к воздухоочистительным установкам, создавали постоянный сквозняк от входной двери, подталкивали студентов внутрь и мешали выйти.

Шкаф Дэвида располагался в третьем коридорном холле. В ряду старших. Он был вдвое шире прошлогоднего, и запорный механизм не заедало, как у старого. На дверцу Дэвид наклеил пару наклейек – Каза Пратъяри и мультяшный кадр из канджи, – но ему было далеко до многоцветного сияния соседнего шкафчика. Тот принадлежал девочке с промышленной инженерии – Дэвид сталкивался с ней только в этом холле. На каждом шкафчике что-нибудь да было: картинка, табличка, шарж, распечатанный на пластике и вплавленный в металл дверцы. Просто метки, говорящие, что шкаф принадлежит определенному человеку, немного – совсем немного – отличающемуся от других.

В конце цикла каждый из старшего ряда получит распределение, заберет вещи, и шкафы перейдут следующему году. Их отскребут дочиста, продезинфицируют, снова обезличат до прихода новых хозяев. Дэвиду рассказывали, как прилив смывает песчаные замки на берегу, но он никогда не видел океана. Ближайшим подобием были для него шкафчики старших.

Закрыв дверь, Дэвид подошел к своему рабочему месту. Станции «трубы» заработали, родители вернулись домой, нижний университет открылся, и теперь лаборатория была местом, которое отвращало его меньше других. Мышцы спины и бедер еще ныли после ночи, когда он испробовал свой товар, и Дэвид вместе с удовлетворением, что можно будет сказать Лили – да, попробовал, – чувствовал облегчение, что новой пробы ему не позволит расписание. Все это было как очень длинный, приятный, но скучноватый сон. И туман, оставшийся после у него в голове, Дэвида не радовал.

Лабораторный опыт подходил к концу. Вмонтированный в рабочий стол терминал был настроен на данные со всех семи образцов, составлявших комплекс его последней лабораторной. Идея работы состояла в том, чтобы создать сложные клеточные структуры, способные секвестровать железистые соединения. Не святой грааль, но добротная солидная головоломка, которая, если сложится, найдет множество применений в работе по терраформированию. За день, пока его не было, накопилась двойная порция данных для оценки.

Как и у всех остальных.

– Эй, Большой Дэйв?

Стефан вместе с тремя другими студентами работал в группе мистера Ока. Он стоял в дверях, опирался на костыль и неловко улыбался. Бледен он был как беленая мука, да еще страдал аллергией на фармакоктель, который придавал плотность его костям и позволял мускулам функционировать в низком тяготении Марса. С начала года он второй раз ломал ногу.

– И тебе эй, – отозвался Дэвид.

– Сумасшедший дом с «трубой», да?

– Блеск, – сказал Дэвид.

– Такое дело, я хотел спросить... э-э...

– Тебе что-то нужно, – констатировал Дэвид.

– Ага.

Дэвид побарабанил толстыми пальцами по экрану, предоставляя системе накапливать данные без его участия. Стефан прохромал в комнату. Для них двоих лаборатория была тесновата.

– У меня там в одной серии аномальные результаты. То есть здорово отклоняются. Втрое против стандартного.

– Влип ты, кузен.

– Знаю. Подумал, может, беда в реактивах.

– Беда? Или ошибка?

– Ошибка – тоже беда. В общем, такое дело. Я знаю, у тебя есть запас, вот и подумал...

– Запас?

В груди у Дэвида стянулся узелок. Стефан пожал плечами и отвел взгляд, словно нечаянно сказал лишнее.

– Ну да. Ничего такого, верно. Но в моих хромидеях много требуется таких же. Если соберу на новую серию, можно будет стереть ошибочный результат.

– У меня не так уж много.

Стефан склонил голову и потупил глаза. Облизнул губы, и во всей его позе угадывалось отчаяние. Дэвид сам тысячу раз пытался представить, что будет, если он запретит лабораторную. Тем более прямо перед распределением. Это был общий кошмар.

– Да есть у тебя, – сказал Стефан. – Ты всегда берешь оборудование и запасы из того шкафчика. То есть, ну, ты понял.

– Не понял, – отрезал Дэвид. Во рту появился вкус меди.

– Наверняка понял, – не поднимая взгляда, произнес Стефан.

В комнате запахло жареным. Стефан прятал глаза, как побитая собака, но отступить не собирался. Стены сдвинулись слишком тесно, воздуха стало мало. Стефан выдышал весь кислород. Он метнул взгляд в лицо Дэvidу и тут же снова отвел. Много ли он знает? А подозревает? И кто знает, кроме него?

– Я тебе помогу, – проговорил Дэвид так осторожно, будто слова могли поранить ему язык. – Напиши, что тебе понадобится для нового опыта, а я помогу достать, годится? Сможешь начать сначала. И с удалением данных разберемся.

– Конечно, спасибо. – Стефан расслабил плечи с неподдельным облегчением. – Спасибо тебе.

– А мистер Ок знает про тот другой шкафчик?

– Нет, – почти заговорщицки ухмыльнулся Стефан. – И не узнает, верно?

Итак, вместо того чтобы обрабатывать свои результаты, Дэвид целое утро слонялся по лабораториям в поисках человека, с которым можно было бы договориться. Таких хороших знакомых оказалось меньше, чем он надеялся, а от повисшего в воздухе напряжения все стали несговорчивыми. Все отставали от графика. У каждого хватало своих проблем. Все волновались из-за лабораторных, распределения, из-за отношений с родными. К полудню Дэвид сдался. Оставался единственный выход: выйти в сеть и заказать реактивы для Стефана у поставщика. Это не так уж истощит его тайный счет, и не он один спохватывается насчет материалов для лабораторной в последнюю минуту. Большинство закупают материалы для себя, подумалось ему, но не покажется странным, если кто-то окажет такую услугу приятелю. Лишь бы никто не спросил, откуда деньги.

Вернувшись к собственному столу, он чувствовал себя так, словно уже отпахал целый день, – а ведь еще и не начинал толком.

Быстро пролетели часы. К обеду он разобрал и обработал все данные за день аварии на «трубе» и перешел к результатам следующего. Но тут стали поступать данные за время, что он прослонялся по комнатам. С каждым входящим файлом перед Дэвидом сгущалась ночь. Может, не спать сегодня? Если до завтра

продержится – успеет разобрать завал. Это если никто ничего больше не взорвет, если Стефан не потребует за молчание чего-то еще, и тетя Бобби не вздумает втянуть его в силовую зарядку, и вообще. Дэвид попытался вытряхнуть зарождающуюся в затылке боль и вернулся к работе.

На седьмой минуте обеденного перерыва у него загудел терминал. Он большим пальцем нажал: «Принять».

– Ты на обед не придешь? – спросила мать. Голос звучал тонко и слабо, словно втянутый через соломинку воздух.

– Нет, – ответил Дэвид, – мне тут надо закончить с результатами.

– Мне казалось, для этого тебе целый день дают, – сказала она. На экране терминала мать выглядела иначе, чем вживую. Не моложе, не старше, а то и другое вместе. Как если бы уменьшенное изображение стерло ей все морщинки у глаз и губ, зато проявило всю седину в волосах.

– У меня еще дела появились.

Ее уменьшенное экраном лицо казалось холодным и далеким. Усталые плечи Дэвида словно взвалили на себя тяжелый груз.

– Надо уметь распределять время, Дэвид, – произнесла мать, словно ей это только что пришло в голову. Безотносительно к нему.

– Знаю, – сказал он.

– Я приготовлю что-нибудь к твоему возвращению. Не задерживайся после полуночи.

– Не буду.

Связь прервалась, и Дэвид вернулся к своим данным, зарычал и врезал кулаком по дисплею. Монитор не сломался. И даже не выдал ошибки. Как будто ничего не было. Следующий вызов поступил вечером, когда лаборатории уже стали пустеть. Голоса в коридоре затихали, почти терялись в гудении и постукивании аппаратуры. Появились уборщики, пожилые мужчины и женщины с влажными тряпками и чистящими средствами. Дэвид едва не пропустил трезвучия вызова. Только чуточку забеспокоился: зачем бы кому-то посылать сообщение вместо того, чтобы выйти на связь. И он все-таки посмотрел. Сообщение было от Лили, с заголовком: «ОТКРОЙ, КОГДА БУДЕШЬ ОДИН». Дэвид забыл о работе. В воображении пронеслись всевозможные варианты записок, которые девушка может

тайком присылать юноше. Плотной закрыв дверь лаборатории, он склонился над терминалом.

У нее там было темно, свет падал сбоку. На заднем плане пели раджа, сплошные трубы и заливыстые трели мужским голосом. Она облизнула губы, бросила взгляд на панель управления и снова на экран.

– Дэвид, кажется, я влипла, – заговорила она. Голос дрожал, слова она произносила с придыханием. – Мне нужна помощь, да? Мне понадобится помощь, а тебе я нравлюсь, я знаю. Ты мне тоже нравишься, и, мне кажется, ты мне поможешь выбраться, да? Мне нужно денег в долг. Может быть... может быть, много. Скоро буду знать. Может быть, завтра. Просто пришли сообщение, если сможешь. И не говори Хатчу.

Женский голос откуда-то издали перекрыл музыку, Лили протянула руку. Дисплей вернулся к настройкам, и Дэвид ввел запрос на связь, который после положенной паузы предложил оставить сообщение. Крякнув с досады, он ввел новый запрос. И еще раз. Система Лили была не в сети. Дэвиду страшно хотелось броситься на станцию «трубы» и самому добраться в Иннис-Шэллоус, но он не знал, где ее там искать. Не знал даже, откуда она отправила сообщение. Любопытство и ужас сплетали для него сотню объяснений. Лили взяли с товаром, и теперь надо заплатить полицейским, чтобы не попасть за решетку. Ее нашел кто-то из врагов Хатча и угрожает смертью, если она не скажет, где его искать, – и ей надо бежать с планеты. Или она забеременела, и ей надо в Дханбад-Нова на аборт. Он задумался, сколько ей понадобится денег. Представил, как она улыбнется, когда он их принесет. Когда спасет ее – от чего там надо спасать. Но прежде всего следовало зафиксировать данные и попасть домой. Чтобы никто ни о чем не узнал. Он поставил ручной терминал на запись и сдвинулся к центру картинки.

– Я постараюсь, Лили. Только ты со мной свяжись. Расскажешь, что случилось, и я сделаю, что тебе нужно. Обещаю. – Он чувствовал, что не все сказал. Что-то надо было добавить. Что – он не знал. – Что бы там ни было, мы пробьемся, да? Ты только мне позвони.

Он ввел адрес и отправил сообщение. И весь вечер ждал гудка

вызова. Не дождался.

Домой он попал ближе к полуночи, но отец и тетя Бобби еще не спали. Монитор в большой комнате передавал популярную программу – там что-то воодушевленно вещал седой мужчина с рублеными чертами лица. Звука не было, и казалось, будто выступающий добивается их внимания. Отец Дэвида сидел на диване, массивной фигурой подавив все пространство от подлокотника до подлокотника – как король на троне. Тетя Бобби прислонилась к стене, на каждой фразе поднимая одной рукой тридцатикилограммовую гирию и плавно опуская, пока слушала.

– Мне так видится, – сказала она.

– Но это не так, – ответил ей отец. – Ты – подготовленный профессионал. Сколько средств вложил в тебя Марс, пока ты служила? Эти ресурсы не с неба свалились. Марс кое-что отдал, чтобы открыть тебе дорогу, обучить тому, что ты умеешь.

Этот тон был знаком Дэвиду с малых лет – тон, от которого у него внутри все сворачивалось. Мужчина на экране гневно воздел руку – и, опустив ее, изобразил обаятельную улыбку.

– Я это ценю, – заговорила тетя Бобби тихо и сдержанно – но ее слова кричали громче, чем повышенный тон отца. – Я служила. На этой моей дороге случилось много восемнадцатичасовых вахт и...

– Нет-нет-нет. – Отец замахал широкой ладонью, словно дым разгонял. – Ты не должна жаловаться на переработки. Работа инженера требует не меньшей отдачи...

– И много погибавших у меня на глазах друзей, – закончила тетя Бобби. Гирия поднялась и опустилась во внезапно наступившем молчании. Тетя Бобби переложила груз в другую руку. У отца лицо налилось кровью, пальцы сжимали колени. Тетя Бобби улыбнулась. И грустно продолжила: – Ты хочешь взвалить на меня еще и это. Валяй, попробуй.

Дэвид поставил терминал на кухонный стол – пластик, щелкнув по пластику, предупредил их о его приходе. Когда взрослые обернулись к нему, Дэвид заметил фамильное сходство. На миг ему увиделись старший брат с младшей сестрой, ведущие не прекращавшийся с детства разговор. Кивнув им, Дэвид отвернулся, потому что эта мысль его взволновала и немного смутила.

– С возвращением, – приветствовал его отец, поднимаясь с дивана. – Как дела в лаборатории?

– Хорошо, – ответил Дэвид. – Мама обещала оставить мне поесть.

– В холодильнике карри.

Дэвид кивнул. Он считал, что карри – это невкусно, но есть можно. Положив двойную порцию в самонагревающуюся тарелку, он установил ее на подогрев. Глаз не поднимал, одновременно надеясь, что старшие, вернувшись к разговору, забудут о нем, и страшась услышать их ссору. Тетя Бобби откашлялась.

– Узнали что-то новое насчет «трубы»? – спросила она. Перемена голоса сказала Дэvidу, что она выбрасывает белый флаг.

Отец протяжно вдохнул и выдохнул через нос. В карри привкус имбиря был заметней обычного, так что Дэвид задумался, не тетя ли его готовила.

– В новостях говорили, что нашли улики, – наконец подал голос отец. – Думаю, до конца недели кого-то задержат.

– А о внешнем вмешательстве не упоминали?

– Нет. Какой-нибудь придурок из протестующих решил доказать, как мы уязвимы, – отрезал отец с такой уверенностью, словно знал наверняка. – Это всюду случается. Я так скажу – гнусные эгоисты. Мы как раз составляли месячный график. Теперь каждый потерял по меньшей мере день. Для одного человека это немного, но тут из графика выбились тысячи. Как это наш папа говорил: если триста шестьдесят пять человек пропустят одну смену, мы в один день потеряем год. Помнишь?

– Да, что-то такое было, – кивнула тетя Бобби. – Мне помнится насчет девяти тысяч, пропустивших час.

– Мысль та же самая.

Терминал Дэвида пропел трезвучие, и сердце у него забило, но оказалось – просто автоматическая система оповещений нижнего университета прислала расписание на следующую неделю. Дэвид равнодушно просмотрел. Никаких неожиданностей. Со своей работой он как-нибудь уложится. Убрав звук, он переключился обратно к сообщению Лили – просто чтобы увидеть ее лицо, движение ее плеч. Она снова облизнула губы, опустила и подняла глаза. В памяти он услышал ее голос. Не по этому сообщению, а вчерашний – последнее,

что она сказала в ночь аварии на «трубе». «Думала, ты зайдешь поиграть, и ошиблась».

О господи! Она думала о сексе с ним? А Хатч не рассердится? Или Хатч для того и отослал их вместе? Ради того все и затевалось? Унижение смешалось у него в крови с трудно сдерживаемым эротическим возбуждением, и карри показался совсем безвкусным. Надо найти Лили. Завтра, если она не даст о себе знать, он поедет в Иннис-Шэллоус. Поспрашивает там. Кто-нибудь ее да знает. Обработку данных можно отложить на денек. Или поручить Стефану. Как-никак, парень ему должен...

– Ну, детка, – сказал, заходя к нему, отец. Дэвид перевернул терминал вниз экраном. – Уже поздно, а мне завтра на работу.

– Мне тоже, – ответил Дэвид.

– Не засиживайся допоздна.

– Хорошо.

Отец пожал ему плечо и тотчас убрал руку. Дэвид доел последние крошки карри и запил холодной водой. Тетя Бобби в гостиной сменила программу на мониторе. Маленькая темнокожая старушенция в оранжевом сари, склонившись к интервьюеру, с вежливым презрением на лице выслушивала его вопрос. Тетя Бобби выдавила ядовитый смешок и отключила экран.

Она прошла в кухню, массируя себе левый бицепс правой рукой и морщась. Она вообще-то была ненамного крупнее отца, зато гораздо сильнее и от этого носила свой вес так, как носила. Дэвид стал вспоминать, убивала ли она кого-нибудь. Вроде бы кто-то рассказывал, как она кого-то убила, но он тогда плохо слушал. Она опустила глаза – может быть, на его перевернутый терминал. Улыбка ее показалась Дэвиду едва ли не жалобной – очень странно. Она прислонилась к раковине и принялась растягивать кисти, сцепив пальцы и напрягая запястья.

– Ты скалолазанием не занимался? – спросила она.

Дэвид, подняв на нее глаза, передернул плечами.

– Я в твоём возрасте все время лазала, – сказала она. – Брала дышалку и пару приятелей. Выбирались на поверхность – или вниз лезли. Пару раз до распределения я спускалась в пещеру Великана. Без страховки. И воздуха в баллоне брали ровно столько, чтобы хватило

добраться и вернуться к ближайшему ходу. Вся штука была в том, чтобы насколько можно облегчить вес. Самый тонкий костюм. Ни веревок, ни крючьев. Раз я пережидала бурю на полкилометра над землей, забив кулак в трещину, чтобы не унесло. Слышала только, как песок скребет по шлему, а ребята орут, чтобы я выбиралась оттуда.

– Жуть, – равнодушно произнес Дэвид. Она не заметила сарказма – или не пожелала заметить.

– Это было здорово. Одна из лучших моих вылазок. Хотя твой дед этого не одобрял. Единственный раз, когда он назвал меня дурой.

Дэвид налил себе еще стакан воды и выпил. Ему было трудно это представить. Папин-пап всех и за все хвалил. Доходило до того, что его похвалы уже ничего не значили. Дэвид не мог представить деда настолько рассерженным. Отец, когда злился на папин-папа, иногда звал его «старшим сержантом». Дэвиду показалось, будто тетя говорит о ком-то другом, незнакомом.

– Была причина, – продолжала тетя Бобби. – За месяц до того разбился один знакомый парень. Трой.

– Как это случилось?

Теперь пришла ее очередь пожимать плечами.

– Поднялся довольно высоко и не удержался. При падении пробило баллон, и, пока до него добрались, Трой умер от удушья. Меня там не было. Мы не дружили. Но для папы все скалолазы были одним миром мазаны, и что случилось с Троем, случится и со мной. Тут он был прав. Он только думал, понимаешь ли, что я об этом не знаю.

– А ты знала.

– Знала, конечно. Потому и полезла, – согласилась она и кивнула на терминал. – Когда ты при нем так спешишь перевернуть, ему только любопытнее.

Дэвид проглотил медный вкус страха и на несколько сантиметров отодвинулся от стола.

– Там ничего такого. Прислали расписание.

– Пусть так. Но когда ты перевернул, ему стало любопытно.

– Ничего там любопытного нет, – повысил голос Дэвид.

– Да и ладно, – с мягкой силой произнесла она, и Дэвиду не захотелось ни продолжать разговор, ни поднимать на нее глаза.

Тетя Бобби ушла в гостевую комнату, где спала. Услышав, как у нее

включился душ, Дэвид снова поднял терминал и проверил, не пришло ли чего от Лили. Пусто. Он сбросил остатки ужина в утилизатор и отправился к себе. Едва упал в постель, мысли понеслись галопом. В голове прокручивались варианты – зачем Лили могли понадобиться деньги: на наркотики, на адвоката, на выезд с Марса? Едва подумав, не собралась ли она улетать, он поверил в это, и в груди образовалась безнадежная пустота. И еще она велела не говорить Хатчу. Может, она чем-то его разозлила и теперь спешит сбежать?

Он задремал, представляя, как заслоняет Лили от Хатча, смело глядя ему в лицо. Он прогнал эту сцену с самого начала. Вот он застаёт их дерущимися и отталкивает Хатча от Лили. Или он с Лили, а Хатч бросается на нее. Он перепробовал разные фразы: «Тронь ее – и я превращу твою жизнь в ад!» и «Ты думаешь, сила за тобой, но я, братец, Дэвид Драпер, а не хрен с горы!» – и представил, как они подействуют. Благодарность Лили не ограничилась поцелуем – он вообразил, как она берет его ладонь и притягивает ее себе на грудь под блузку. Он почти ощутил пальцами ее тело. Он почти уловил ее запах. Сон перешел в другой, где надо было закончить обработку данных, а Лили требовались деньги, чтобы подделать тест на беременность, а банк располагался в трещинке в углу гостиной, и у него рука в нее не пролезала.

Когда зазвонил будильник, Дэвид решил, что часы врут. Тело было еще слишком тяжелым, слабым – как в середине ночи. Но нет, уже утро. Он подтянулся на край кровати, свесил ноги и зажал глаза ладонями. Воздушные фильтры пропустили желанные в другое время запахи кофе и сосисок к завтраку. Со стены на него смотрела Уна Мейнг, обещающая взглядом нечто глубокое и таинственное. Со смутным раздражением, разлившимся по всему телу, он переключил ее изображение на предустановленный в настройках восход над горой Олимпа. Туристский вид.

Надо было составить план. Может, все-таки связаться с Хатчем. Не говорить, что Лили к нему обращалась, а просто – что ему за нее тревожно. Что он хочет ее найти. Тем более это правда. Он должен найти Лили, где бы она ни была, и проверить, все ли с ней хорошо. А потом закончить лабораторную. До Иннис-Шэллоус и обратно почти два часа дороги, но, если поработать в обеденный перерыв или поесть

прямо в лаборатории, он потеряет всего час. Требовалось еще обдумать, как ее искать, когда он туда попадет. Очень хотелось с кем-нибудь поговорить. Пусть даже с Хатчем. Но никого не было, и решать приходилось самому. Шевелись, спрашивай, ищи. Она на него рассчитывает. На миг он снова ощутил прикосновение ее руки, тонкий мускусный запах волос. Да, он это сделает.

Никаких проблем.

В Иннис-Шэллоус ходила всего одна «труба» – туда и обратно по той же линии. После диверсии охрану усилили, по вагонам курсировали хмурые мужчины и женщины, вооруженные пистолетами и газовыми гранатами. На станции Иннис-Шэллоус не прозвучало даже лаконичного сообщения, что конечная – Атерпол, как будто в мире теперь было всего два места – Иннис-Шэллоус и все остальное. Согласно официальной статистике, в Иннис-Шэллоус жило и работало шесть тысяч человек, но Дэвид, выйдя из «трубы», попал в толпу. В главных коридорах сквозь изоляцию просвечивал древний камень. Места мелких происшествий были отмечены накопившимися за десятки лет белыми шрамами. Люди перемещались с уровня на уровень пешком или по эстакадам на электрокарах. Большинство не замечали Дэвида, но кое-кто подчеркнуто тарацился. Он понимал, что чужой здесь. Его выделяла среди местных одежда и манера держаться. Целую минуту Дэвид проторчал посреди коридора, засунув руку в карман и обхватив пальцами ручной терминал. Тихое гудение готовящейся к отправке в обратную сторону «трубы» за спиной прозвучало как дружеский голос: «Иди ко мне. Убирайся отсюда. Не глупи».

И он бы послушался, сел снова в «трубу» и вернулся, не задержавшись в чужом районе и пяти минут. Если бы не Лили.

Дэвид сжал зубы, набылчился и зашагал по коридору, забирая, сам не зная почему, влево. Горло перехватило, захотелось помочиться. Пройдя метров двадцать вдоль киосков аренды машин и настроенных на развлекательные программы мониторов, он высмотрел ресторанчик и зашел в него. Женщину за прилавком можно было принять за астерку: тонкое худое тело, слишком крупная голова. Она дернула подбородком и кивком указала вошедшему на полдюжины выщербленных пластиковых столиков.